Рой Медведев

К суду истории. О Сталине и сталинизме

Серия «Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых»

Книга Роя Медведева «К суду истории», написанная в 1971 году, неслучайно открывает собрание сочинений братьев Роя и Жореса Медведевых. Она и сегодня сохраняет актуальность и остается главной книгой известного историка Роя Медведева. Это первое серьезное исследование о Сталине и сталинизме, пришедшее на Запад из России. Книга вызвала интерес не только в политических и академических кругах, но и в левом движении. На нее сразу появилось большое количество рецензий. Книга до сих пор издается в США и рекомендуется там как учебное пособие по истории СССР в американских университетах. «К суду истории» вышла в двадцати странах и переведена на четырнадцать языков мира, а в Китае выдержала три переиздания.

ОТ АВТОРА

Книга, которую я предлагаю вниманию читателей, — одна из моих главных книг, посвященных сталинизму. Около двадцати лет я готовился в той или иной форме к ее написанию; а затем более двадцати пяти лет работал непосредственно над ней, собирая по крупицам, а иногда и целыми пригоршнями свидетельства, факты и документы из истории сталинизма, размышляя над ними, обсуждая их с друзьями и единомышленниками и полемизируя с оппонентами. Я встречался и подробно беседовал с прошедшими сталинские тюрьмы и лагеря старыми большевиками, в том числе с немногими оставшимися в живых участниками оппозиций, а также с чудом выжившими бывшими эсерами, анархистами и меньшевиками, беспартийными техническими специалистами, с бывшими военными, учеными, писателями, журналистами, партийными работниками, простыми рабочими и крестьянами, с теми, кого называли «кулаками», и теми, кто их «раскулачивал», со священнослужителями и простыми верующими, с бывшими чекистами, с вернувшимися в Советский Союз эмигрантами и теми, кто собирался уехать из СССР.

С тех пор как я начал думать о политических реальностях нашей страны и всего мира (люди моего поколения размышлять об этом начали очень рано), я считал себя сторонником социальной справедливости и социализма. Однако я никогда не был слепым сторонником какой-либо политической или социальной доктрины. Действительность была слишком жестокой, и я тяжело переживал не только трагедию, обрушившуюся в 1938 г. на нашу семью, но и драматические события войны 1941–1945 гг., в которой мне пришлось если не прямо, то косвенно участвовать. Я достаточно хорошо понимал, что социализм, каким бы мне хотелось его видеть, — это еще далекий идеал, тогда как реальная жизнь народных масс все еще полна несправедливостей и страданий. Разобраться в окружавшей меня противоречивой действительности и искать пути к ее изменению и улучшению, не исключая и изменений в господствующих тогда идеологических концепциях, давно стало целью и стимулом моей жизни и деятельности, определило выбор философии как моей главной специальности, а истории и педагогики как первых областей моей практической деятельности. Уже в 50-е гг. я начал думать о написании большой книги по истории советского

общества, но только в 1964 г. смог обсуждать ее черновые варианты со многими своими друзьями, а также в кабинетах директора Института марксизма-ленинизма, главного редактора Издательства политической литературы и в некоторых кабинетах ЦК КПСС. В начале 1969 г., когда был завершен одиннадцатый вариант рукописи, я решил опубликовать ее за границей. Главной причиной такого решения были реальная угроза реабилитации Сталина, с одной стороны, а также угроза репрессий против меня и моего брата Жореса — с другой.

Первое издание книги увидело свет в США под названием «Let History Judge» («Пусть история судит»), а в 1972–1973 гг. под другими названиями она вышла также в ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Японии и позднее в Испании. Новое, расширенное издание появилось на русском языке в 1974 г. в США и позднее на китайском языке в Пекине.

Опубликование книги вызвало множество рецензий, критических отзывов, обсуждений, в основном доброжелательных. Но я не мог считать затронутые в ней темы исчерпанными и продолжал работать как историк и философ по многим направлениям. Во-первых, сам факт издания книги в разных странах и распространения ее в СССР стал причиной того, что ко мне начали поступать различного рода документы и материалы, неизвестные мне книги и статьи 20–30-х гг., а также недавно написанные мемуары, авторы которых хотели бы сообщить то или иное свидетельство или высказать свое мнение по больным для нашего общества вопросам.

Во-вторых, работа над другими проблемами советской истории, а также исследование структуры и особенностей советского общества позволили мне издать в 1972–1989 гг. еще несколько работ, в которых я рассматривал природу сталинизма, его предпосылки и последствия, а также судьбы отдельных противников Сталина и людей из его ближайшего окружения. В-третьих, именно в последние годы я имел возможность прочитать многие книги о Сталине и эпохе Сталина, о проблемах сталинизма и советской истории в целом, которые были опубликованы западными советологами. Я говорю о книгах Р. Такера, А. Улама, Р. Конквеста, С. Коэна, Б. Суварина, Л. Шапиро, Ж. Ж. Мари, Г. Солсбери, Дж. Боффа, М. Левина, Р. Даниэльсона, В. Леонгарда, Дж. Кармайкла и некоторых других.

Нельзя, разумеется, не сказать о большом количестве книг и статей, опубликованных на Западе советскими авторами, а

также писателями, публицистами и учеными, эмигрировавшими из СССР и некоторых стран Восточной Европы. Эти многочисленные работы с разных точек зрения освещают многие малоизвестные страницы нашего прошлого, в них содержатся различные концепции, теории и предположения, обсуждение которых полезно для историка. Я имею в виду книги Е. С. Гинзбург, Н. Я. Мандельштам, А. И. Солженицына, Л. З. Копелева, В. Т. Шаламова, Ж. А. Медведева, Е. А. Гнедина, А. Антонова-Овсеенко, В. Гроссмана, Б. Г. Бажанова, М. Агурского, М. Реймана, А. М. Некрича, М. Геллера, М. Джиласа, А. Левитина-Краснова, Э. Кольмана, В. Чалидзе, Л. Чуковской, Максудова и мемуары Н. С. Хрущева.

И наконец, еще одним крайне важным стимулом для продолжения моей работы по истории сталинизма стало то обстоятельство, что в нынешних условиях в области идеологии и общественных наук именно проблема Сталина и сталинизма оказалась в центре борьбы — борьбы между теми, кто стремится к радикальному обновлению советского общества, и теми, кто этому препятствует.

Даже в начале 1985 г. была сделана попытка реабилитировать Сталина. По мере приближения 40-летней годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне усиливались его восхваления как полководца и государственного деятеля. Существовали даже планы возвращения имени Сталина городу Волгограду и Волгоградскому району в Москве. Этого не произошло благодаря прежде всего переменам в руководстве партии.

Но и в первой половине 1986 г. осуждение Сталина и сталинизма можно было встретить скорее в намеках, чем в прямой речи. Первым решительным шагом политики гласности в этой области стала журнальная публикация романа А. Бека «Новое назначение», в котором автор не только воссоздал очень точный и зловещий облик Сталина, но и раскрыл сущность олицетворявшейся им авторитарно-деспотической системы управления.

Поворотным моментом в развитии политики гласности стали решения январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Не случайно в начале 1987 г. на экраны страны вышел фильм грузинского режиссера Т. Абуладзе «Покаяние». Необычный по художественной форме фильм, в котором использован не только метод реализма, но и сюрреализма, гротеска и абсурда, наносит большой удар по идеологии тоталитаризма вообще и сталинизма в частности.

В это же время публикуется неоконченный роман Ю. Трифонова «Исчезновение», главной темой которого являются репрессии 30-х гг. против активных деятелей Октября, а писатели Д. Гранин в своем произведении «Зубр» и В. Дудинцев в «Белых одеждах» рассказывают о разгроме Сталиным и Лысенко классической генетики.

Советским читателям стала известна, наконец, поэма А. Твардовского «По праву памяти»; в ней поэт говорит о трагедии раскулачивания, жертвой которого стала его семья, и о других беззакониях времен культа личности. Опубликована и знаменитая поэма А. Ахматовой «Реквием» — о репрессиях в Ленинграде, продолжавшихся до смерти Сталина. Всеобщее внимание привлекла повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» о трагедии чеченского народа, выселенного в 1944 г. со своих исконных земель.

Зимой и весной 1987 г. увидели свет ждавшие этого пятнадцать — двадцать пять лет большие циклы стихотворений Б. Слуцкого, О. Берггольц, А. Тарковского, Б. Чичибабина, А. Жигулина, Н. Заболоцкого, В. Шаламова и некоторых других поэтов. В том же году опубликован роман А. Рыбакова «Дети Арбата», ставший заметным событием в литературной и общественно-политической жизни страны. На мой взгляд, этот роман является не только превосходным художественным произведением, но в нем дан также исторически и психологически точный портрет Сталина 1933–1934 гг., когда он уже готовил серию коварных провокаций, чтобы иметь повод уничтожить всех недовольных и создать аппарат, основанный на тоталитарной власти «вождя».

Наступление на сталинизм в литературе и киноискусстве продолжалось летом и осенью 1987 г. Следует упомянуть об опубликованной тогда знаменитой «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка, запрещенной по личному распоряжению Сталина в 1926 г. Всем было очевидно, что речь в ней шла о некоторых темных обстоятельствах смерти М. В. Фрунзе.

Новая, более сильная атака на сталинизм началась в 1988 г. Журнал «Новый мир» открыл год романом «Доктор Живаго» Б. Пастернака, а «Октябрь» — эпическим романом В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Этот роман создавался во второй половине 50-х гг. под прямым влиянием XX съезда КПСС. Однако в 1961 г. роман был «арестован». У автора, у его друзей и даже из редакций двух журналов были изъяты все его копии и черновики. Как заявил Гроссману член

Политбюро М. Суслов, роман можно будет напечатать лишь через 200–300 лет. Что ж, нам пришлось ждать этой книги только 27 лет.

Новым шагом в изучении и осуждении сталинизма драматургом М. Шатровым явилась его вышедшая в начале года пьеса «Дальше… дальше… дальше!».

Неоценимым источником для исследователя стали опубликованные многочисленные воспоминания. Среди них роман-хроника Е. Гинзбург «Крутой маршрут», воспоминания С. Газаряна, рассказы В. Шаламова. Эти три книги я считаю лучшими произведениями на лагерную тему.

Существует преемственность между нынешней критикой сталинизма и антисталинской кампанией начала 60-х гг. Но есть и ряд важных различий. Известно, что доклад о культе личности на XX съезде партии и антисталинская направленность XXII съезда были связаны в первую очередь с личной инициативой Н. С. Хрущева, встретившей открытое и скрытое сопротивление значительной части идеологического аппарата партии, влиятельных военных и государственных лидеров.

В 1987 г. наступление на сталинизм началось широким фронтом. Выступая с докладом на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев еще раз заострил внимание на трагических событиях 30-х гг. «Иногда утверждают, — заявил он, — что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений».

Большую роль в борьбе со сталинизмом играет деятельность Комиссии Политбюро ЦК КПСС, занимающейся реабилитацией безвинно осужденных. Немалое значение имеют и многочисленные публикации в прессе, частично использованные в настоящем издании.

Введение в научный оборот огромного количества новых фактов, свидетельствующих о той цене, которую наш народ заплатил за индустриализацию и коллективизацию, за голод 1933 г. и раскулачивание, заставляет пересмотреть ту концепцию, которая была выработана еще на XX и XXII съездах партии и с тех пор господствовала в советской исторической науке, а именно: все главные преступления Сталина начинаются только после 1934 г., а его политика на рубеже 20-х и 30-х гг. правильна.

К сожалению, в работе по восстановлению исторической правды участвуют пока в основном писатели, журналисты, работники кино, но не профессиональные историки, хотя на повестке дня стоит вопрос об издании новой книги по истории КПСС, новых учебников для школ и вузов. Однако официальная историческая наука немного пока сделала в этой области.

Одной из первых попыток со стороны советских историков раскрыть феномен Сталина стала книга «Триумф и трагедия» генерал-полковника Д. А. Волкогонова. В целом же задачу осмысления сущности и последствий сталинизма советская историческая наука пока не решила.

Интерес советских людей к истории своей страны очевиден. Однако этот интерес порождает иногда и всевозможные спекуляции. Вместе с тем часть людей воспринимает восстановление исторической правды как крушение всех своих идеалов. Они направляют в редакции газет и журналов письма с нападками на авторов антисталинских публикаций. Наиболее характерным явилось письмо, написанное Н. Андреевой и опубликованное в газете «Советская Россия» в марте 1988 г.; оно было воспринято общественностью как манифест антиперестроечных сил.

Разумеется, критиковать сталинизм можно с разных позиций, делая из этой критики разные выводы. Наш народ очень плохо знает свое прошлое, и поэтому неудивительно, что даже то ограниченное разоблачение сталинских преступлений, которое было предпринято в 1956 г. на XX съезде КПСС, породило среди многих людей не только растерянность, но и разочарование в социализме. Но было бы опасной иллюзией считать, что этого разочарования можно избежать, если и дальше держать советских людей в неведении. Мир велик, и в нем выступают и борются за ум и чувства людей разные силы. И если мы будем отказываться «в интересах социализма» от всестороннего изучения эпохи Сталина, то добьемся обратного результата. Социализм не сможет сохранить за собой репутацию научного учения об обществе, если не сумеет объяснить те социально-исторические, экономические и политические процессы, которые при определенных условиях приводят в социалистических странах к бюрократическому перерождению государства и к тирании отдельных личностей.

«Что пострадало при Сталине, — писал И. Эренбург, — идея или люди? Нет, идее не был нанесен удар. Удар был

нанесен людям моего поколения».

Это неверно. Беззакония сталинской эпохи нанесли тяжелый удар и по людям, и по самой идее социализма. И те, кому дороги эти идеи, кто не желает, чтобы гибель миллионов людей, ставших жертвами жестокого произвола, осталась в нашей истории лишь бессмысленной трагедией, должны преодолеть одно из наиболее опасных последствий сталинизма — боязнь говорить правду.

Я многое уточнил в своих взглядах, но сохранил свою приверженность социалистическим идеалам. Мне пришлось выслушать не только много грубой и несправедливой критики, но и угроз со стороны отечественных и зарубежных сталинистов. Мне пришлось также выслушать и прочесть немало грубой и несправедливой критики со стороны тех отечественных и зарубежных авторов, которым трудно сегодня произнести с каким-либо положительным эпитетом слово «социализм». Я надеюсь, что лучшим ответом на подобного рода обвинения будут служить факты и доводы, которые читатель найдет в самой книге.

Я ненамного изменил и общую структуру своей работы, которую некоторые читатели и рецензенты упрекали за односторонность. Я принимаю этот упрек, однако не считаю это серьезным недостатком. В своей книге я стремился рассмотреть лишь одну из сторон советской действительности в определенный период развития советского общества. Как и любая другая наука, история имеет право на абстракцию. Прибегая к сравнению, можно назвать эту книгу «историей болезни», тяжелой и длительной болезни советского общества, которая получила название сталинизма. Конечно, все мы хорошо знаем, что эпоха Сталина была не только эпохой террора. Это было также время разностороннего прогресса, который тоже должен быть темой исторических исследований. Но наука не может обходить и самых темных сторон прошедших эпох. У истории, как писал Виктор Гюго, нет корзины для мусора.

Естественно, что в центре внимания автора находится фигура Сталина. Однако данная книга является не только его биографией. Речь в ней идет не об одном Сталине, но и о тех социально-политических и экономических условиях и группах, которые он использовал.

В течение многих лет мне оказывали содействие в работе сотни людей, и без их помощи она не могла бы продвигаться вперед. Они помогали материалами, свидетельствами, советами и критическими замечаниями. Пользуясь случаем, я

хочу выразить благодарность за оказанную помощь И. П. Гаврилову, С. О. Газаряну, Л. М. Портнову, А. И. Бабинец, Е. П. Фролову, А. М. Дурмашкину, Петру Чагину, С. И. Бердичевской, Д. Ю. Зориной, П. И. Шабалкину, А. В. Снегову, А. Е. Ефстафьеву, М. В. Острогорскому, И. М. Данишевскому, О. Г. Шатуновской, Р. Б. Лерт, А. П. Хосиеву, М. А. Солнцевой, П. В. Аксенову, И. П. Алексахину, Э. Г. Лейкину, М. Н. Авербаху, Е. А. Гнедину, А. Н. Грамп, Н. К. Илюхову, Е. А. Косаревой, С. П. Писареву, Р. Г. Алихановой, П. В. Рудневу, Н. М. Улановской, А. И. Ханьковскому, М. Л. Фишман, Я. И. Дробинскому, А. И. Тодорскому, Б. И. Иванову, С. Б. Бричкину. Мне помогали в работе такие участники важных событий прошлого, как М. П. Якубович, З. Б. Гандлевская, А. М. Ларина, И. Н. Форштендекер, Т. С. Третьякова, Г. И. Меньшиков, Е. А. Грин, Е. З. Огородницкая, А. З. Огородницкая. Я называю имена только тех, кто дал мне на это согласие, или тех, кого уже нет в живых.

Большую помощь материалами и документами из своих личных архивов мне оказали писатели К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, А. Т. Твардовский, А. Г. Дементьев, И. А. Сац, В. А. Каверин, Ю. В. Трифонов, А. А. Бек, В. Ф. Тендряков, К. Икрамов, Л. З. Копелев, Б. С. Ямпольский, И. С. Шкала, В. П. Аксенов, Е. С. Гинзбург, В. Т. Шаламов, С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), А. Г. Письменный, В. А. Рудный, С. Э. Бабенышева, В. Д. Дудинцев, Е. Я. Драбкина, Ю. Ф. Карякин, Л. Ф. Кабо, Е. Ю. Мальцев, Л. Е. Пинский, режиссер М. И. Ромм.

Я получил также помощь и поддержку от ученых и научных работников разных областей знания: П. Ф. Здрадовского, Ф. Ф. Королева, Б. Л. Астаурова, А. Д. Сахарова, А. М. Некрича, М. Агурского, В. Ф. Турчина, Ю. Тувина, А. П. Аллилуева, И. В. Николаева, Л. П. Петровского, Д. И. Лев, В. Н. Литвинова, Л. В. Карпинского, Г. Б. Федорова, Дональда Маклейна, И. Н. Хохлушкина, В. П. Эфроимсона, А. А. Шибанова и других.

С самого начала и на всех стадиях работы над книгой — от ее замысла до публикации — главным помощником был мой брат Жорес Медведев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЫДВИЖЕНИЕ И ВОЗВЫШЕНИЕ СТАЛИНА В ПАРТИИ

1
СТАЛИН ВО ГЛАВЕ ВКП(Б)

СТАЛИН ДО 1917 Г.

Западные биографы Сталина уделяют значительное внимание его детским и юношеским годам, справедливо полагая, что основные черты личности формируются в детстве и юности. Как отмечает в своей книге о Сталине А. Улам, именно бедность и суровое детство Сталина оставили неизгладимый след на всей его жизни, превратив его очень рано в недоверчивого и грубого человека, лишенного сентиментальности, плохо владевшего русским языком, страдавшего от комплекса неполноценности, амбициозного, пренебрегавшего столь важными для грузина традициями родства и личной дружбы[1].

Как известно, Сталин (Джугашвили) родился 9 (21) декабря 1879 г. в маленьком грузинском городе Гори в бедной семье. Его отец, Виссарион Иванович Джугашвили, родом из крестьян, работал в Гори сапожником. Необразованный и грубый человек, он не мог оказать на сына хорошего влияния. К тому же он вскоре покинул семью и переехал в Тифлис, где некоторое время работал на обувной фабрике. Затем вернулся в Гори уже больным и умер, когда его сын был подростком. Позднее Сталин никогда не вспоминал об отце, и дата его смерти не приводится в официальной хронологии жизни и деятельности Сталина[2].

Мать Сталина, Екатерина Георгиевна Геладзе, родилась тоже в крестьянской семье. На жизнь она зарабатывала шитьем и стиркой белья. Времени для воспитания детей у нее не было, и маленький Сосо (как называли Сталина в детстве) большую часть времени проводил на улице. Он был не единственным ребенком в семье Джугашвили, но другие дети рано умерли. В раннем детстве Сталин переболел оспой, оставившей следы на его лице. Среди различных кличек, под которыми он позднее фигурировал в документах, была и кличка Рябой. В двенадцатилетнем возрасте Сталин повредил в дорожном происшествии левую руку, и со временем она

стала короче и слабее правой. Он тщательно скрывал свою частичную сухорукость, старался не раздеваться при людях и редко показывался даже врачам.

Уже в детстве Сталину было присуще упрямство и стремление к превосходству над сверстниками. Он не отличался большими способностями, но был упорен и много читал. Небольшого роста и физически слабый, Сосо не мог рассчитывать на успех в мальчишеских потасовках и боялся быть избитым. Он рано стал скрытным и мстительным и всю жизнь недолюбливал высоких и физически крепких людей. Стремление к славе рано овладело умом и чувствами Сталина. Но он был беден, считался инородцем и понимал, что бедный грузинский юноша из маленького провинциального городка немногого сможет добиться в царской России. Большое впечатление на молодого Сталина произвели книги и судьба грузинского писателя А. Казбеги — одного из богатейших помещиков Грузии, который освободил своих крестьян от податей, отказался от богатства и почти десять лет жил в горах как простой пастух. Лишь с 1880 по 1886 г. он занимался писательским трудом. Депрессия и тяжелая душевная болезнь скоро свели его в могилу[3]. Особенно нравился Сталину роман Казбеги «Отцеубийца» о борьбе крестьян-горцев за свою независимость и свободу. Один из героев романа — неустрашимый Коба — стал героем и для молодого Сосо. Он даже начал называть себя Кобой, и это имя стало первой партийной кличкой Джугашвили. Старые большевики в 30-е гг. (а Молотов и Микоян еще позднее), обращаясь к Сталину, нередко называли его Кобой. Позднее у Сталина было немало партийных кличек, его называли Ивановичем, Василием, Васильевым. Но имя Коба и фамилия-псевдоним Сталин остались на всю жизнь.

Когда Сосо исполнилось восемь лет, мать определила его в Горийское духовное училище. Четырехлетний курс в училище Сталин прошел за шесть лет. Ему было трудно, так как обучение велось в основном на русском языке. Сталин научился хорошо писать по-русски, однако свободно говорить так и не мог до конца жизни. Он говорил по-русски лишь тихим голосом, медленно и с сильным грузинским акцентом. В революционной среде, где ораторские способности ценились особенно высоко, Сталин постоянно испытывал чувство неполноценности. Тем не менее он с отличием кончил духовное училище и в 1894 г. поступил в Тифлисскую духовную семинарию. В духовном училище и особенно в семинарии царила обстановка обскурантизма,

повседневного мелочного контроля и взаимных доносов. Здесь были строгий режим и почти военная дисциплина. Неудивительно, что семинарии в России воспитывали не только верных слуг режима и церкви, но и революционеров. Сам Сталин говорил в 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом:

«Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье… Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма…»

Тифлисская семинария дала России не только Сталина, но и таких известных революционеров, как Миха Цхакая, Ной Жордания, Ладо Кецховели, С. В. Джибладзе, Н. С. Чхеидзе, Филипп Махарадзе и некоторых других. Не меньше революционеров окончили и армянскую духовную семинарию.

Семинария, несомненно, повлияла на Сталина и в другом отношении. Она развила и ранее присущие ему изворотливость, хитрость и грубость. Догматизм и нетерпимость, характерный для его статей и выступлений стиль катехизиса также сложились, бесспорно, не без влияния церковного образования. С ранней молодости Сталин был также начисто лишен чувства юмора. «Общие друзья и соученики Сталина по духовной семинарии всегда печалились: Коба шутить совсем не умеет. Удивительно, грузин не понимает шуток. На самую безобидную отвечает кулаками»[4]. В книге «Только один год», которая дает гораздо более точный психологический портрет Сталина, чем первая книга С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу», дочь Сталина писала:

«Церковное образование было единственным систематическим образованием, полученным моим отцом. Я убеждена, что церковная школа, где он провел в общем более десяти лет, имела огромное значение для характера отца на всю его жизнь, усилив и укрепив врожденные качества. Религиозного чувства у него никогда не было. Бесконечные молитвы, насильственное духовное обучение могли вызвать у молодого человека, ни на минуту не верившего в дух, в бога, только обратный результат: крайний скептицизм ко всему “небесному”, “возвышенному”. Результатом стал, наоборот,

крайний материализм, циничесмий реализм “земного”, “трезвого”, практического и сниженного взгляда на жизнь. Вместо духовного опыта он развил в себе совсем другой: близкое знакомство с лицемерием, ханжеством, двуличием, таким характерным для немалой части духовенства, которая верует лишь внешне, то есть на самом деле не верует вообще… Из своего семинарского опыта он заключил, что люди нетерпимы, грубы, обманывают свою “паству” и тем держат ее в руках, интригуют, лгут и, наконец, имеют многие слабости и очень мало добродетелей. Нетерпимость, негибкость, неспособность согласиться с противоположным мнением, если оно очевидно более здравое, я отношу в нем также на счет опыта, вынесенного из семинарии, где воспитанникам прививались фанатизм и нетерпимость»[5].

Сталин и сам относил начало своей революционной деятельности к 15-летнему возрасту, когда он установил связь с первыми кружками марксистов и пристрастился к чтению подпольной литературы. В это время он впервые прочитал работы К. Маркса и Ф. Энгельса. По официальной версии, именно за чтение запрещенной литературы и создание социал-демократического кружка Сталин был исключен из семинарии в мае 1899 г. и поступил на работу в Тифлисскую геофизическую обсерваторию. А. Улам писал в своей книге о большом влиянии на молодого Сталина грузинского революционера Сильвестра Джибладзе, одного из видных и известных всей грузинской социал-демократии основателей группы «Месамедаси». В официальной биографии Сталина даже не упоминается имя Джибладзе, который позднее примкнул к грузинским меньшевикам, участвовал в 1918 г. в создании независимой грузинской демократической республики, был арестован при образовании в 1921 г. Советской Грузии и освобожден незадолго до своей смерти в 1922 г.[6]. Немалое влияние на Сталина оказал в 1897–1900 гг. Ладо (Владимир) Кецховели, один из наиболее видных организаторов грузинской, а затем и бакинской социал-демократии. Под пером составителей «Краткой биографии» Сталина 26-летний Л. Кецховели превратился в «ближайшего соратника» 19-летнего Сталина. Как известно, Кецховели был убит в сентябре 1902 г. в Метехском тюремном замке выстрелом одного из тюремщиков. В 1900 г. Сталин познакомился с 32-летним профессиональным революционером Виктором Курнатовским, приехавшим в Тифлис и уже в 1901 г. арестованным здесь. Незадолго до появления в Грузии ссыльный Курнатовский встречался в

Минусинске с Лениным. Знакомство с Курнатовским, чтение работ В. И. Ленина, а затем и газеты «Искра», которая появилась в Закавказье в 1901 г., сделали молодого Сталина сторонником Ленина. После раскола российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков Сталин решительно становится на сторону большевиков. Надо отметить, однако, что именно в Грузии влияние фракции меньшевиков было преобладающим. Грузинские меньшевики оказались не только наиболее влиятельной, но и наиболее организованной революционной силой в Грузии в 1917 г., что и позволило им вскоре прийти к власти и в течение трех лет возглавлять правительство независимой Грузии.

Весной 1901 г. Сталин перешел на нелегальное положение. Он принимает участие в организации забастовок и демонстраций, в том числе известной Батумской демонстрации в марте 1902 г. Здесь, в Батуми, Сталин был арестован и сослан в Восточную Сибирь, где провел около двух лет.

В одной из своих статей Л. Троцкий писал о творческом бесплодии Сталина в 1900–1910 гг. Это утверждение несправедливо. Сталин был не только практиком революции, он претендовал и на роль теоретика, во всяком случае в масштабах Закавказья. В 1900–1910 гг. Сталин написал немало статей и брошюр, однако все они были написаны на грузинском языке и опубликованы в грузинской со циал-де мок ра ти чес кой печати. Работы этого периода составляют два первых тома его Сочинений, и большая часть из них переведена с грузинского языка лишь в 1945–1946 гг. Конечно, литературное творчество Сталина начала века ни по количеству, ни по качеству нельзя поставить в один ряд с творчеством других руководителей российской социал-демократии. Но и неправильно заявлять о творческом бесплодии Сталина.

В книге Ж.-Ж. Мари «Сталин» можно прочесть: «Когда революция (1905 г.) начиналась, Коба был всего лишь районным активистом. Революция для него ничего не меняет. Она не “раскрывает” его, как раскрывает Троцкого в другом конце империи. Она проходит сквозь него, как тень. Сталин всегда был человеком комитетов, ограниченных групп мелких, средних или крупных руководителей… Коба не обладал никакими качествами, позволяющими руководить массовым движением: ораторским талантом, живостью мысли, широтой взгляда, чувством завтрашнего дня, энтузиазмом. Наконец, в пылу, когда массы возвышают на

мгновенье свое повседневное существование, чтобы сделать его историей, Сталин, холодная и скрытная натура, терялся. Способный для закулисных маневров, он в 1905 г. стушевался… Коба и революция не знали друг друга»[7].

Эти утверждения также несправедливы. Верно, что Сталин не являлся трибуном революции. Он не обладал живостью мысли. Но его неверно называть лишь районным активистом, ибо сферой его деятельности было все Закавказье и он участвовал в работе Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе в 1905 г., а также IV и V съездов РСДРП — в Стокгольме и Лондоне (в 1906 и 1907 гг.). Одним из главных ораторов на V съезде партии был Л. Троцкий, который писал позднее, что он узнал о присутствии Сталина на первых съездах партии только из биографии последнего, написанной французским автором (Б. Сувариным) и опубликованной в Париже в 1935 г. Это пренебрежительное замечание Троцкого дает скорее повод к нелестной оценке самого Троцкого. В те годы делегатов на партийных съездах было немного (около 150 на IV и около 350 на V). Однако молодой Троцкий уже тогда обладал чрезмерным высокомерием и не желал замечать многих ничем еще не отличавшихся рядовых делегатов, да к тому же еще «с совещательным голосом»[8].

Неверно утверждать также, что революция 1905 г. не «раскрыла» Сталина, что он прошел через нее «как тень», что «Коба и революция не знали друг друга». Нет, революция раскрыла многие стороны сталинской натуры, и он принимал участие во многих важных ее событиях, хотя и предпочитал действовать обычно не на переднем плане. Именно Сталину принадлежит сомнительная честь быть не только участником, но и организатором некоторых крупных террористических актов или, как их называли тогда, «эксов», то есть экспроприаций. В основном это были вооруженные ограбления банков, почтовых карет, пароходов, которые допускали тогда большевики в качестве средства для пополнения партийной кассы и закупки оружия, а также для воздействия на царскую администрацию. Особенно большую известность получило вооруженное ограбление Тифлисского казначейства, которое дало в кассу большевиков более 300 тыс. руб. Этот «экс» был проведен группой боевиков с участием Камо (С. А. Тер-Петросяна), однако в его организации и планировании приняли участие Сталин и Л. Б. Красин, руководитель боевой технической группы при ЦК. Организация подобного рода «эксов» требовала от Сталина не только хладнокровия, хитрости и жестокости, но и связей с

уголовным миром Грузии. Многие «эксы» сопровождались человеческими жертвами, но это были убийства «в интересах дела».

В 30–40-е гг. большое число статей и немало книг были посвящены начальным этапам революционной деятельности Сталина на Кавказе. В этих работах Сталину приписывалось множество заслуг, которых у него не было. Однако все авторы, включая и Л. Берия, обходят молчанием участие Сталина в террористической деятельности на Кавказе.

В 1907 г. Сталин переходит на работу в бакинскую организацию РСДРП. Участие в «эксах» делает его пребывание в Тифлисе небезопасным. К тому же в Грузии в социал-демократическом движении возобладали меньшевики, которые были решительными противниками террора. Сталин принимал участие в организации крупнейших по тем временам выступлений рабочего класса Баку, обративших на себя внимание В. И. Ленина. Несколько раз Сталина арестовывали и ссылали, но каждый раз ему удавалось бежать и возобновлять свою нелегальную работу на Кавказе. Активный участник революционного движения в Закавказье С. И. Кавтарадзе вспоминал позднее, что молодой Сталин часто был груб и несдержан по отношению к товарищам, нередко обрушивался на них с нецензурной бранью. Но это не было каким-то редким исключением, примеры подобной несдержанности и грубости были довольно распространены в революционной среде.

Из личной жизни Сталина в этот период нужно отметить смерть его первой жены Екатерины Сванидзе, с которой он прожил несколько лет. Сталин был очень привязан к жене, и ее смерть не смягчила его характер. Их сын Яков остался на попечении родственников. Сталин мало заботился и думал о нем.

В 1911–1912 гг. Сталин продолжает свою деятельность в столице Российской империи. Его статьи часто появляются в петербургской газете «Звезда», в газетах «Правда» и «Социал-демократ». Заслуги его были замечены. На VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся в январе 1912 г., он был заочно кооптирован в состав ЦК партии, а также включен в состав Русского бюро ЦК РСДРП вместе с Ф. И. Голощекиным, Я. М. Свердловым, Е. Д. Стасовой, Г. И. Петровским, А. В. Шотманом, А. Е. Бадаевым и А. С. Киселевым.

Об амбициозности и вместе с тем о самостоятельности Сталина говорит и тот факт, что он далеко не во всем

соглашался с Лениным, хотя и входил во фракцию большевиков. Так, например, в 1905–1906 гг. Сталин высказывался против ленинской программы национализации земли и отмены частной собственности на землю. В 1909 г. в бакинской печати Сталин выступил против организационной политики Ленина[9]. В противоположность Ленину Сталин высказывался за бойкот III Государственной думы. Отказ большевиков от бойкота он считал «случайным отклонением от старого большевизма». «Но следует ли из этого, — писал Сталин в одном из писем, — что мы должны до конца доводить эти случайные отклонения, создавая из мухи слона?.. Ильич немного переоценивает значение таких (легальных) организаций»[10]. В некоторых письмах Сталина содержатся иронические замечания в адрес ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». Сталин прочел ответную книгу Богданова и поддержал некоторые его доводы. «По-моему, — писал он также в частном письме, — некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать…»[11] Ленин, таким образом, отнюдь не был уже тогда для Сталина непререкаемым авторитетом. Это отмечается и в шеститомной «Истории КПСС». Мы можем прочесть здесь следующий упрек:

«Нечеткую позицию в философских вопросах занимал одно время Сталин. Он недооценивал значение борьбы Ленина против махистов… В одном из писем к М. Г. Цхакая он заявлял, что эмпириокритицизм имеет и хорошие стороны. Задача большевиков, писал он, развивать философию Маркса и Энгельса “в духе И. Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны махизма”. Между тем, хотя немецкий социал-демократ Иосиф Дицген, рабочий-самоучка, действительно написал ценные философские труды, в ряде существенных вопросов он отступал от материализма, и предложение развивать марксизм в духе Дицгена с учетом философии идеалиста Маха было, разумеется, неправильно»[12].

В 1910–1912 гг. Сталин не был склонен, подобно Ленину, заострять и усугублять борьбу между большевиками и меньшевиками. Перед Пражской конференцией в письме к М. Цхакая Сталин отозвался о борьбе Ленина за возрождение партийной организации как о «буре в стакане воды»[13].

После Пражской конференции Сталин в отличие от Ленина требовал уступчивости по отношению к так называемым ликвидаторам. В первой же статье Сталина для «Правды» говорилось о единстве социал-демократов «во что бы то ни стало», «без различия фракций»[14].

Правда, сам Ленин едва ли заметил эти расхождения. Сталин впервые встретил Ленина на Таммерфорской конференции большевиков в 1905 г., а затем на IV и V съездах РСДРП. Эти встречи оставили большой след в памяти Сталина[15]. Однако Ленин тогда не обратил внимания на молодого партийного работника с Кавказа. Личное знакомство Сталина с Лениным произошло лишь в конце 1912 г., когда Коба, принимавший активное участие в организации и редактировании первой легальной большевистской газеты «Правда», выезжал в Краков к Ленину на совещания ЦК с партийными работниками. Здесь, в Польше, Сталин написал свою работу «Марксизм и национальный вопрос», которая была положительно оценена Лениным. Сталин произвел тогда на Ленина самое хорошее впечатление. В одном из писем к Горькому Ленин писал: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»[16].

В связи с работой редакции «Правды» Ленин несколько раз писал в эти месяцы и самому Сталину. Однако эти связи были еще настолько непрочны, что Ленин скоро забыл фамилию Сталина. «Не помните ли фамилию Кобы?» — писал Ленин в июле 1915 г. Г. Зиновьеву[17]. Зиновьев не помнил, и в ноябре 1915 г. Ленин пишет В. А. Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т. п.) фамилию “Кобы” (Иосиф Дж……?? мы забыли). Очень важно!!»[18] Дело в том, что Ленин получил письмо от Сталина из Туруханской ссылки, но, не помня фамилии, не мог на него ответить.

В далекой ссылке в Туруханском крае Сталин пробыл четыре года. В небольшой колонии ссыльных он вел себя далеко не лучшим образом. Так, например, жена большевика Филиппа Захарова Р. Г. Захарова (Бронтман) приводит в своих воспоминаниях о муже рассказ последнего о приезде Сталина в Туруханскую ссылку в 1913 г.:

«Рассказывал мне Филипп и о встрече со Сталиным там, в Туруханске… По неписаному закону принято было, что каждый вновь прибывший в ссылку товарищ делал сообщение о положении в России. От кого же было ждать

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru